

Беседовала А. Грицай

ВСЕВОЛОД ГАККЕЛЬ

«Аквариум как способ ухода за теннисным кортом».

Продолжение истории

Хорошо, что на группе «Аквариум» история этого человека не закончилась. Скорее — только началась. Он никогда не был на виду и уж тем более — на первом плане, однако совершил как минимум одно большое дело для культурной революции в России. Всеволод Гаккель открыл первый независимый музыкальный клуб и помог ему просуществовать пять лет. Этого срока оказалось достаточно для того, чтобы у русского музыканта полностью поменялось самосознание, и из бунтаря он превратился в творца.

Несмотря на то, что для нашей эпохи Гаккель человек исключительный — слишком порядочный, слишком мягкий, чувствительный — его пример показателен для ситуации в неформальной жизни России трех последних десятилетий XX века. Речь идет, в основном, о музыкальной среде Петербурга, однако эта субкультура отражает общие тенденции современного мира — отчасти потому, что русский рок-н-ролл начинался именно здесь, отчасти благодаря самому определению «культурная столица России».

Наш диалог получился глубоко личным. Разговор шел в основном о самом Севе. Однако ассоциировать Гаккеля только с рок-н-ролльной средой было бы неправильно, как неправильно воспринимать его как представителя исключительно музыкальной среды. Он, скорее, некий знак неофициальной культуры определенной эпохи, эпохи становления — от младенческого неведения, необразованности, невежества к юношескому любопытству, максимализму, пресыщению и далее. Ведь наша культурная революция произошла гораздо позднее, и делали

ее как раз такие люди. Формально Всеволод Гаккель известен как виолончелист групп «Аквариум», Wine, Vermicelli Orchestra; координатор клуба «TaMtAm»; один из организаторов первых фестивалей Сергея Курехина SKIF; член художественного совета продюсерского центра «Лаборатория звука». Список далеко не полон, но даже по этим нескольким фактам видно, что всякий раз Гаккель оказывался в рамках особенно интересного на тот момент времени творческого образования. Он всегда был на своем месте, причем ровно до тех пор, пока в этом была необходимость. К слову сказать, с «Лабораторией звука» он все еще сотрудничает.

В 2000 г. у Всеволода Гаккеля вышла книга «Аквариум как способ ухода за теннисным кортом», написанная в форме мемуаров и безусловно субъективно рассказывающая о том, «как все происходило». Наш разговор можно считать ее продолжением.

АеL: Насколько я знаю, «Аквариум» был для тебя неким образом жизни. Чем ты заполнил пустое пространство после того, как ушел из группы?

ВГ: К сожалению, к тому моменту, как я из нее ушел, она уже ничего для меня не значила. Решение было принято совершенно добровольно и легко. Более того, я жалею о том, что не ушел окончательно еще в 1984 г., когда «Аквариум» фактически самораспустился. Была некая пауза длиной в год после того, как распался тот самый, классический, состав — Боря, Дюша, Миша, Сева (имеются в виду Борис Гребенщиков, Андрей Романов, Михаил Файнштейн — прим. ред.). Но я проявил слабость, и меня «засосало» еще на три года.

АеL: В принципе, в твоей книге эта ситуация описана довольно подробно. Правда ли, что ты написал об этом, чтобы избежать новых вопросов о твоих отношениях с «Аквариумом»?

ВГ: Действительно, какое-то время я вообще не говорил об «Аквариуме», но сейчас мне просто все равно, ведь прошло столько лет. Я навсегда ушел из «Аквариума» в ноябре 1988 г. и стал заниматься... ничем. Тогда впервые в жизни у меня появились какие-то деньги, и тогда же открылись границы. Появилась возможность начать исследование запретного плода капитализма. Я отправился путешествовать.

АеL: Это была первая твоя поездка за рубеж?

ВГ: Нет, я еще с «Аквариумом» ездил в Монреаль выступать на конгрессе «Врачи мира за безъядерный мир». Никакого отношения к этому конгрессу мы не имели кроме того, что чуть ранее, в 1987 г., приняли участие в аналогичном московском концерте.

АеL: И все-таки «заниматься ничем» после ухода из группы у тебя не получилось?

ВГ: Я устроился работать, а вернее — ухаживать за теннисным кортом. Совершенно иррациональная сфера применения, не имевшая никакого отношения ко всему тому, чем я занимался ранее. Это был легкий период жизни, когда мне было просто радостно, и такая работа несколько не обременяла и выполнялась добровольно, без всякого принуждения. В это дело я погрузился, углубился и занимаюсь им вот уже десять лет (сначала на Каменном острове, а теперь в Александровской).

АеL: Любовь к порядку?

ВГ: Нет. Чтобы понять, надо проникнуться духом. Это ни в коем случае не рабо-

та, а нахождение в некоем нулевом пространстве (назовем его так), позволяющем мне пребывать в состоянии покоя. Вероятно, могло произойти и что-то другое, но получилось так. Многие думают, что мое участие в «Аквариуме» было самым значительным для меня периодом. Я же придаю равное значение всем этапам моей жизни. Сначала я служил в армии, потом играл в «Аквариуме», теперь работаю на теннисных кортах. Последнее для меня гораздо важнее, нежели мое участие в супергруппе.

АеL: Тем не менее, работая на кортах, ты всегда выбирал занятия, имевшие отношение именно к музыке, к культурной жизни города: клуб «TaMtAm», Wine, фестиваль SKIF, Vermicelli Orchestra, «Лаборатория звука»...

ВГ: Это было позднее, а тогда я находился в состоянии покоя и не хотел ничего делать. Но получилось так, что, имея некоторый опыт поездок за границу, я понял, чего не хватает структуре так называемого русского рок-н-ролла, которую мы пытались построить в течение многих лет. Мы наблюдали, как это происходит там, слушали музыку, но невольно упустили одно звено — музыкант не может гармонично развиваться, если не приобретает достаточного опыта концертных выступлений. «Рок-клуб» какое-то время заполнял определенную нишу, но ни в коей мере не выполнял функцию постоянно действующей концертной площадки, которая позволяла бы молодым музыкантам регулярно играть. «TaMtAm», собственно, и затевался как такая площадка.

АеL: Почему ты решил самостоятельно взяться за это?

ВГ: Потому что я это увидел и все понял. Когда мы приехали в Канаду, то выступали

на стадионе перед многотысячной аудиторией, жили в пятизвездочном отеле с бассейном, играли на одной сцене с легендой нашей юности. Тогда, в первый раз, все было замечательно — восторг, эйфория, Запад, капитализм — все какое-то не такое, каким я себе представлял. И вдруг в один из вечеров мы случайно заходим в маленький клубик, где играет совершенно заштатная, средней руки группа, и у меня абсолютно «срывает башню» от того, насколько это нормально и по-земному. Я увидел, каким может быть настоящий рок-н-ролл — без помпы, без суперзвездности, без миллионных тиражей, — просто реальная музыка, какой она на самом деле была, есть и будет, поскольку этот слой никуда не исчезал. У нас же он отсутствовал вообще. Я был сражен открытием.

Приехав через полгода, уже в одиночку, в Нью-Йорк, я попал в аналогичную ситуацию. Музыка и шоу-бизнес меня тогда, в принципе, не интересовали: я, скорее, «искал себя». У меня не было туристского любопытства, не было конкретных желаний, но, листая газету «Village Voice», я увидел, что ежедневно в Нью-Йорке играет огромное количество групп, а я, корифей и профи в этой области, не знаю названия ни одной из них. Оказался полным профаном. То, что мы знали, было выхвачено из верхнего слоя шестидесятых–семидесятых годов. Можно представить, какая информация попадала в Россию из-за железного занавеса. А тут такое разнообразие. И я все-таки пошел на концерт сестер МакГэрригл (Kate&Anne McGarrigle) в маленький клуб (кстати, они участвовали в записи последней пластинки Ника Кейва, значит, и я не случайно тогда среагировал на них). И произошло то же самое: меня потрясла эта живая музыка, игравшаяся очень близко, в тесном клубе и имевшая фантастический успех. И не нужны никакие концертные залы. Был тогда я и на концерте Питера Гордона (Peter Gordon) в «Knitting Factory», где снова попал в невероятную ситуацию. Это был классический нью-йоркский авангард: на крохотной сцене размером три на пять метров пятнадцать музыкантов сидят «друг на друге», а я — на маленькой приступочке прямо перед ними; вокруг несколько столиков и человек пятьдесят народа. Вот эта концепция — живая музыка в тесном пространстве — и заставила меня принять окончательное решение. Когда я вернулся сюда, то начал говорить о клубе всем подряд. Мне отвечали: «Не реально, невозможно. Не ясно, с какой стороны подступиться...». Но потом я случайно вышел на Молодежный центр на Васильевском острове, где и родилась идея сделать один концерт. А сделал его, я уже не мог отступить. Это просто черта моего характера: взявшись за что-то, я

не могу бросить, а должен довести это до какого-то уровня. И спокойно включился в еженедельную рутинную работу по восстановлению этого культурного слоя.

AeL: И не зря. В «TaMtAm» родилась та волна современной некоммерческой музыки, которая как раз сейчас уже уступает дорогу молодым. Говорю это без всякой лести.

BГ: Я не слежу, но, наверное, это так. Все-таки некий импульс мы дали, а это самое важное.

AeL: Безусловно, следует отметить группу *Tequilajazz*, всякий раз поминающую тебя добрым словом...

BГ: ...*Markscheider Kunst*, «Химеру», čímую мной больше других...

AeL: *S.P.O.R.T.*

BГ: ...и, как недавно выяснилось, даже «Сплин»...

AeL: А Дэвид Бирн (David Byrne) тоже выступал в «TaMtAm»?

BГ: Нет, у нас его концерта не было. Был один концерт в «CD-клубе», когда Петя Троценков уболтал Бирна с ними поиграть. В «TaMtAm» же он приезжал несколько раз, но только в качестве посетителя. А однажды была вечеринка по случаю масленицы, на которой он присутствовал. Мы посидели, поели обильно, пообщались в процессе застолья, а потом играли *Markscheider Kunst*, *Wine* и кто-то еще. Но не Бирн. Однако наш форменный пиджак ему подарили, и, говорят, он его носит.

AeL: Идея продюсерского центра «Лаборатория звука» — привезти Дэвида Бирна в Санкт-Петербург — как-то связана с этой историей?

BГ: Вообще-то, нет. Просто в свое время мы встречались с Питером Гэбриэлом (Peter Gabriel), Дэвидом Бирном, Брайаном Ино (Brian Eno) и другими, чьи имена для всех нас до какого-то момента были нарицательными. И нам всегда хотелось, чтобы

они либо посетили Россию, либо помогли нам выйти еще на каких-нибудь интересных людей. Они же все антропологи, занимающиеся исследованием умирающих культур. World music — это ведь их сфера. Еще во времена первых фестивалей SKIF мы собирались пригласить и Бирна, и Гэбриэла. Сейчас снова, уже в «Лаборатории звука», идут те же разговоры. Но я знаю, что за концерт в Москве Бирну нужно было заплатить \$25 000. Для нас это пока многовато. Я уверен, что он согласился бы выступить в России даже за меньшую сумму и в небольшом зале при условии, что эти концерты пройдут в рамках европейского тура очередного альбома. Теоретически мы планируем предложить ему выступить в Петербурге, но скорее всего финансовая ситуация не позволит. Этот концерт тоже окажется убыточным.

AeL: Как концерт *Tindersticks*?

BГ: Да. Тогда я нанес компании убыток в размере \$12 000. У меня была уверенность, что есть люди любопытные, готовые пойти не только на концерт группы, которую хорошо знают.

AeL: Такие коммерческие неудачи не останавливают?

BГ: Я много лет пытался что-то делать в этой области и всегда находился где-то на грани выживания. Сейчас же нашелся способ делать концерты более или менее цивилизованно. Уже были Дэвид Томас (David Thomas), классическая индийская музыка, Джаван Гаспарян, *Tindersticks*, *Les Hurlements d'Leo*. Теперь в планах интересный французский театр de la *Mezzanine* — в конце сентября. Позднее — Марк Алмонд (Mark Almond), хотя он был уже у нас дважды. Тем не менее, сейчас необходимо организовать несколько интересных коммерческих концертов, которые бы дали нам задел на менее удачные с финансовой точки зре-

ния идеи. Поэтому будет Марк Алмонд. Может быть, Питер Хэммилл (Peter Hammill), *The Exploited* — с подачи Игоря Тонких (московская фирма *FeelLee*).

AeL: А приглашать Ника Кейва (Nick Cave) он больше не хочет?

BГ: Это нереально. Мы хотели сделать концерт еще весной 2001 г., но сумма гонорара превышает все наши возможности. Речь шла о \$30 000 за один концерт. Мы были вынуждены отказаться, как отказались от *Red Snapper* в Петербурге.

AeL: А еще от кого приходилось отказываться?

BГ: Совсем недавно не смогли принять индийский ансамбль «Махараджи», а жаль. Это необычайно интересные индийские цыгане. Мы получили это предложение уже после того, как дали согласие французскому театру, а совместить их вряд ли смогли бы. Да, есть еще идея пригласить Цэсарию Эвору (Cesaria Evora) и *King Crimson*.

AeL: Очень разношерстная компания...

BГ: Кто-то появляется у нас через Артемия Троицкого или московский культурный центр «Дом», кто-то непосредственно через Ника Хоббса или Антею Ино (жена Брайана Ино — прим. автора).

AeL: Ты сказал «интересные коммерческие концерты». Эти два понятия стали наконец-то совместимы и в России?

BГ: Пока этого не получилось окончательно; еще не очень хорошо отработан механизм организации концертов, и чаще все идет не так, как было запланировано.

AeL: И все же такие концерты проходят. Можно ли надеяться, что года через два-три в Петербурге образуется нормальная культурная среда, естественным образом подпитываемая интересной музыкой с Запада?

BГ: Я думаю, да. Такое уже было перед самым кризисом 1998 г. — стало возможно двигаться в разных направлениях: неболь-

шие клубы, средний слой и концерты в спортивно-концертных комплексах. Те же *FeelLee* открыли тогда филиал в Петербурге. Потом все это умерло, а вот сейчас, похоже, возвращается. Стинги, нопфлеры и *ramstein*-ы — махровые, матерые, монстровые, шоу-бизнесовые — уже приезжают; появится и иной пласт. «Лаборатория звука» вполне может занять среднюю нишу, как правило, не интересующую крупных воротил шоу-бизнеса, предпочитающих беспроигрышные, проверенные варианты. А мы хотим заниматься, в первую очередь, интересной, альтернативной, этнической, авангардной музыкой. Главное, чтобы в «Лаборатории звука» не было заурядной поп-музыки.

AeL: Меломаны твоего возраста часто говорят, что ничего интересного в музыке, тем более — в рок-н-ролле, уже нет, что все кончилось, все поглотил шоу-бизнес, уничтоживший альтернативу. И они слушают *Led Zeppelin*, *King Crimson* и подобные им команды.

BГ: К сожалению, так считают и многие музыканты. Любопытство этих людей осталось на определенном уровне. К тридцати-тридцати пяти годам вкус нет, что сформировался, а со временем возникло и ощущение, что все закончилось и больше ничего не будет. Но это заблуждение: было много музыки и до семидесятых, и до культурной революции 1968 г., и в период развития шоу-бизнеса. Он, конечно, многое поглотил и раскопал несколько «жил» в рок-н-ролле, которые сегодня звучат выхолощено. Это невозможно слушать, потому что кроме матерости самих музыкан-

тов — блестящих инструменталистов — в нем ничего нет. Может, у них даже есть какие-то идеи, но в столь узком спектре, что команды все равно сливаются в единый поток. И не случайно интересующиеся люди моего возраста обратились к сфере этнической музыки. Она безбрежна. Но в России, естественно, об этом не знают, вернее, знает кучка любителей (благодаря, как ни странно, и пиратским компаниям). Кроме того, существует немало неизданного материала. Иными словами — еще есть что послушать!

Как это ни грустно, Россия оказалась оторвана от общемировой культуры и в те годы, и сейчас. Мы утратили этнические корни, получив взамен так называемую «народную» музыку, которая навязывалась нам в течение пятидесяти-семидесяти лет. Но она не шла изнутри и не удовлетворяла внутреннюю потребность людей «питаться» от корней своей собственной культуры. Конечно, нельзя обобщать — мы многого не знаем. Но даже то насильственное «насаждение» во времена застоя очень показательно. Бесконечные хоры Пятницкого по телевизору... Там, наверное, тоже было много интересного, но не было той народной музыки, которую люди слушают сейчас как world music.

AeL: Так уж сложилось, что по роду своих занятий — будь то работа с клубом «TaMtAm», SKIF-ом или «Лабораторией звука» — ты всегда должен был искать что-то новое и интересное. Но кроме необходимости есть, наверное, и некая внутренняя потребность в поиске, не правда ли?

BГ: Некоторое время назад это была моя личная воля, теперь же «найти, рассказать, привезти» входит в круг моих обязанностей.

AeL: Но тебя это, по-моему, не удручает?

BГ: Нисколько. Хотя, возвращаясь к теме теннисного корта, находиться на свежем воздухе и работать там — это «чистка мозгов», после которой пропадают какие бы то ни было желания и не хочется вообще ничего.

AeL: Вообще ничего?

BГ: На самом деле хочется одного — немножечко привести себя в порядок. В последние лет десять я начал утрачивать самого себя. К моменту возникновения «TaMtAm» я пребывал в идеальном расположении духа: знал, что хочу делать, и был уверен в каждом своем действии. Не было ни колебаний, ни сомнений, только невероятная легкость. Мне было легко общаться с большим количеством людей и таким образом вовлекать их в свою орбиту. Тогда люди охотно шли за мной, и это был самый важный момент, который мне хорошо знаком, но сейчас я чувствую, что утратил его. Не на уровне частных разговоров. Но, скажем, легкости «по жизни», которая бы помогала

делать дела, сейчас меньше. Я немножечко «засорился», немножечко напрягся.

AeL: Не являются ли твои отношения с *Vermicelli Orchestra* иллюстрацией к этому состоянию? Ты то играешь с ними, то не играешь...

BГ: Безусловно. Хотя на самом деле у меня не должно было быть ни одного конфликта. Я самый неконфликтный человек.

AeL: Может быть, это происходит от чрезмерной требовательности к себе?

BГ: Если бы я был требователен к себе, то стал бы блестящим музыкантом. Я бы прекрасно владел, по крайней мере, тем инструментом, которым какое-то время занимался. Но я не дотянул. Однако все это компенсировалось именно тем, что я был очень легок в общении. Чего только не было в этой квартире (беседа с Сеовой проходила в его старой квартире на улице Восстания — прим. автора), мы здесь буквально жили. Я сидел в своей комнате со старым дружкой Борей, и не было никакого намека на сбой. Я и представить себе не мог, что нас начнет разносить, разбрасывать. Прошло семнадцать лет с тех пор, как я начал обращать внимание на то, что я чуть-чуть другой. И в какой-то момент мне захотелось совершать совсем другие поступки. Сбой произошел чисто механический: формально все могло оказаться таким же, но такого результата не давало. Многие считают, что «Аквариум» в то время переживал фазу взлета, но это заблуждение: взлет был чисто внешним, связанным с перестройкой и сопутствующими внешними факторами.

AeL: Появились нормальные площадки, нормальные условия...

BГ: Нет, это раньше было все нормально. Оказывается, предшествующий период времени был более сбалансирован.

AeL: Ты был музыкантом «Аквариума», виолончелистом *Wine*, *Vermicelli Orchestra*, координатором «TaMtAm», на теннисном корте ты тоже кем-то работаешь. Кто ты на самом деле?

BГ: Я помню, что знал это, но сейчас вопрос заводит меня в тупик.

AeL: Но ты не музыкант?

BГ: Не музыкант. Меня видели, замечали, мне нравилось быть на сцене. Да нет, я музыкант, потому что очень хорошо чувствую музыку, и не обязательно ее играть самому, как в «Аквариуме» или в *Vermicelli Orchestra*. Когда я играю, я очень хорошо себя чувствую, но когда не играю, то чувствую себя гораздо лучше. А ухаживая за кортами, являюсь либо зрителем, либо «водолаем».

AeL: Но в свободное от основной работы время ты приводишь в Петербург интересные группы?

BГ: У меня все время свободное. Я свободен.